

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 215;284.1

Реформация как призыв к дискуссии

П. А. Бутаков

Институт философии и права СО РАН,
Российская Федерация, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Для цитирования: Бутаков П. А. Реформация как призыв к дискуссии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 3. С. 519–527. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.311>

Началом европейской Реформации XVI в. принято считать создание и публикацию 95 тезисов против индульгенций Мартином Лютером в 1517 г. Существует множество интерпретаций того, почему это событие имело эпохальное значение. В рамках этих интерпретаций в содержании 95 тезисов усматривается революционный призыв, направленный на разрушение основ либо политического, либо экономического, либо церковного порядка. Все эти разнообразие теории сходятся в том, что поступок Лютера 1517 г. должен расцениваться как экстраординарное историческое событие. Вопреки этим теориям в данной статье сделан вывод о том, что создание 95 тезисов было рядовым эпизодом повседневной академической жизни. Последовавшая за публикацией 95 тезисов цепочка событий, приведших к началу Реформации, не связана напрямую ни с содержанием тезисов, ни с актом их публикации. Этот вывод основан на фрагментах из личной переписки Мартина Лютера 1517–1518 гг., новейших исторических исследованиях эпохи Реформации, а также анализе особенностей университетской жизни Европы и событий церковной истории XIV–XVI вв. Утверждается, что написание 95 тезисов было частью более чем вековой академической полемики между конкурировавшими университетскими традициями *via antiqua* и *via moderna*. Проводится параллель между борьбой философско-теологических школ *via moderna* и *via antiqua* и борьбой церковно-политических движений консилиаризма и сторонников папского единоначалия. Также высказывается мнение о том, что подлинной причиной начала Реформации стало противостояние между церковным руководством, которое препятствовало теологическим дискуссиям, и университетским сообществом, которое считало проведение дискуссий своим неотъемлемым правом.

Ключевые слова: Реформация, Мартин Лютер, 95 тезисов, консилиаризм, *via moderna*, Констанцкий собор, Пятый Латеранский собор.

В 2017 г. во всем мире отмечался 500-летний юбилей Реформации. Многочисленные конференции и публикации были посвящены тому, какое влияние Реформация оказала на церковную, политическую, социально-правовую и экономиче-

скую жизнь Европы и всего мира, как она способствовала развитию гуманистических идеалов и процессу секуляризации, а также формированию нового типа религиозного сознания. Традиционно днем начала Реформации считается 31 октября 1517 г. В тот день, согласно легенде¹, преподаватель Виттенбергского университета Мартин Лютер прибил к воротам Замковой церкви свои 95 тезисов против индульгенций. Тот факт, что точкой отсчета новой эпохи выбран именно этот поступок провинциального профессора, кажется весьма странным. Во-первых, основные политические, социальные и экономические реформы XVI в. осуществлялись по инициативе князей и церковных властей, а Лютер не принадлежал к числу власть имущих. Во-вторых, обычно к эпохальным событиям принято относить что-то экстраординарное: вооруженные восстания, военные действия или правительственные указы, в то время как акт публикации тезисов вряд ли может претендовать на экстраординарность. Наконец, все значительные реформы начались лишь после 1520 г., а в самом 1517 г. и в последующие несколько лет не происходило никаких заметных событий. Поэтому связь между началом Реформации и Лютером, его тезисами и 1517 г. выглядит достаточно сомнительной.

Интерпретация исторических событий и взаимосвязи между ними — занятие в высшей степени произвольное и субъективное. Подтверждением этому служит поразительное разнообразие тем конференций и публикаций, посвященных 500-летию юбилею Реформации. Сторонники гуманистических идеалов представляют поступок Мартина Лютера как борьбу за свободу совести и либеральные ценности; поклонники политэкономических теорий вкладывают в уста Лютера проповедь капиталистических идей; наконец, теологи стремятся отыскать в 95 тезисах некое прогрессивное евангельское содержание. Но большинство этих плохо совместимых друг с другом точек зрения сходятся в одном — 31 октября 1517 г. произошло нечто настолько экстраординарное, что это привело к глобальным изменениям европейской цивилизации. И здесь может возникнуть правомерный вопрос: стоит ли доверять этой единогласной оценке, если она основана на множестве столь несопоставимых теорий?

Для того чтобы объективно оценить уникальность 95 тезисов, необходимо разобраться с тем, какое значение придавал им сам Мартин Лютер. И здесь нужно выяснить, с какой целью Лютер писал свои тезисы, какие идеи пытался выразить с их помощью, на какую аудиторию рассчитывал и какого эффекта пытался достичь. Была ли последовавшая за написанием 95 тезисов Реформация неким закономерным развитием событий, напрямую вытекающим из самого поступка Лютера и содержания его тезисов? Или же, напротив, сами по себе ни тезисы, ни акт их создания не являлись чем-то революционным, и подлинные причины начала Реформации следует искать в чем-то другом?

Точка зрения, представленная в данной статье, состоит в том, что ни в поступке Лютера, ни в самих тезисах не было ничего такого, что с необходимостью долж-

¹ Сегодня большинство исследователей склоняются к тому, что Лютер не прибавил 95 тезисов к церковным дверям. На самом деле 31 октября 1517 г. он отправил свои тезисы частным письмом архиепископу Майнцскому и в то же время раздал копии нескольким университетским коллегам. Несколько месяцев спустя эти тезисы были напечатаны и распространены третьими лицами без согласия автора. Подробное обсуждение и анализ имеющихся исторических фактов по данному вопросу, а также гипотезы о возникновении легенды о прибавлении тезисов приведены в статье [1].

но было привести к событиям Реформации, что по своему содержанию 95 тезисов не являлись уникальным документом и что поступок Лютера был рядовым эпизодом повседневной академической жизни и не может быть расценен как экстраординарный.

В средневековой университетской культуре составление и распространение тезисов было не чем иным, как формальным приглашением к проведению диспута. Схоластический диспут являлся традиционной формой обсуждения теоретических вопросов средневековой науки. В нем были приняты строгие нормы аргументации, требования соблюдения логики и правил рационального обоснования выдвигаемых положений. По сути, современные научные конференции, семинары и защиты диссертаций являются продолжением той академической традиции проведения диспутов, которая сформировалась в средневековых университетах. Вопреки популярному мнению, темы диспутов не ограничивались лишь теологией или философией, но распространялись на все преподаваемые в университетах дисциплины. Поскольку Лютер был профессором теологии, то его профессиональная критика была направлена на спорные теологические концепции, что он и сделал в своих 95 тезисах 1517 г. Данное приглашение к диспуту не было каким-то уникальным событием в его академической карьере: в период с 1516 по 1521 г. Лютер подготовил около двадцати различных наборов тезисов для диспутов, а его университетский коллега и «научный руководитель» (точнее, тот, кто выступил в качестве поручителя на его докторской защите) Андреас Карлштадт — почти тридцать [2, р. 61]. Так что было бы ошибкой связывать начало Реформации с самим актом критики некоей теологической концепции — подобные критические теологические диспуты были нормой академической богословской жизни с момента появления первых университетов.

Прежде чем выяснить, какую именно цель преследовал Лютер при написании своих 95 тезисов, нам следует ненадолго отвлечься от событий 1517 г. и задаться вопросом о том, насколько вообще возможны дискуссии в теологии. Ни у кого не вызывает сомнения необходимость дискуссий, например, в математике или философии. Но неужели поиск истины в теологии тоже может осуществляться посредством спора? Разве церковная доктрина уже не содержит в себе все правильные ответы на спорные вопросы? Зачем вообще о чем-то спорить, если можно просто положиться на мнение авторитетных лиц? Эти вопросы волновали церковь еще задолго до начала Реформации. По мере того, как начиная с XI в. в Западной Европе стал укрепляться авторитет церковного единоначалия, одновременно укреплялась и противоположная точка зрения, окончательно оформившаяся к началу XV в. в движении консилиаризма.

Основная идея консилиаризма заключается в том, что высшим авторитетом для церкви и theologов является не какой-то один человек и даже не фиксированная группа людей, а собор, т. е. регулярная конференция церковных руководителей и представителей различных богословских школ и традиций. Торжеством консилиаристского движения стал Констанцкий собор (1414–1418), на котором было принято два важных решения о необходимости и способах непрерывной реформы церкви: декрет *Haec Sancta* (1415) о высшем авторитете собора и декрет *Frequens* (1417) о частоте проведения соборов. Суть декрета *Haec Sancta* сводится к тому, что коллегиальное мнение общего собора имеет больший вес, чем единоличное мнение

папы: «Этот святой собор в Констанце... является Общим Собором, представляющим Католическую Церковь, и посему имеет власть непосредственно от Христа; и что все люди, всякого чина и положения, включая самого Папу, обязаны подчиняться ему в вопросах Веры, преодоления схизмы и реформирования Церкви Божией в ее главе и членах» [3, p. 135].

Декрет *Frequens* требует того, чтобы во все последующие времена общие соборы в церкви проводились часто и регулярно — не реже, чем раз в десять лет, и чтобы дата и место проведения следующего собора назначались на предыдущем, чтобы в церкви всегда было так: либо где-то проходит собор, либо точно известно, где и когда в ближайшее десятилетие начнется следующий.

Фатальной стратегической ошибкой, допущенной в декрете *Frequens*, было то, что ответственным за выбор даты и места проведения соборов и за соблюдение их регулярности был назначен папа. Однако папа был менее всего заинтересован в проведении соборов, представлявших главную угрозу его единоличной власти. Поэтому неудивительно, что декреты Констанцкого собора не были реализованы. Папа вовсе не собирался созывать новые соборы. Консилиаристы так и не дождались папской инициативы, и уже через 13 лет после Констанца вытребовали у уже умиравшего папы Мартина V его согласие на проведение собора в Базеле. Но новоизбранный папа Евгений IV прямо во время работы Базельского собора созвал свой собственный собор в Ферраре, чем автоматически лишил собрание в Базеле какой-либо легитимности. Аналогичная история повторилась в 1511 г., когда прошло уже почти 70 лет после последнего общего собора и отчаявшиеся консилиаристы решились начать собор в Пизе без папского одобрения. Папа Юлий II моментально отреагировал на эту инициативу, созвав альтернативный собор в Риме, который вошел в историю под именем Пятого Латеранского собора. Собор в Пизе был объявлен незаконным, участвовавшие в нем кардиналы были лишены своего положения, а само собрание было прекращено с помощью вооруженных сил.

Пятый Латеранский собор (1512–1517) полностью противоречил духу консилиаристских постановлений Констанцкого собора. Если декреты Констанца были представлены как соборное решение («этот святой собор постановляет...»), то декреты Пятого Латеранского собора сформулированы как единоличные папские указы. Среди этих указов стоит отметить два: буллу *Pastor Aeternus* (1516) о власти папы над собором и буллу *Inter sollicitudines* (1515) о предварительной цензуре книгопечатания. Булла *Pastor Aeternus* провозглашает высшую ценность добродетели послушания, утверждает необходимость повиновения римскому понтифику ради спасения, а также заявляет, что правящий римский понтифик обладает властью над любыми соборами и имеет полное право и власть созывать, переносить и распускать соборы. Булла *Inter sollicitudines* вводит нетрадиционную практику превентивной цензуры. До тех пор цензура, столетиями практиковавшаяся в христианских и нехристианских странах, была направлена на уже опубликованные произведения, и зачастую имела не карательный, а рекомендательный характер. Но в 1515 г. папская булла вводит новое правило: любая книга или документ могут быть напечатаны только после получения двух письменных разрешений — назначенного представителя папы или епископа, а также назначенного инквизитора. В противном случае печатная продукция должна быть изъята и сожжена, а издателю под страхом отлучения надлежит заплатить штраф в сто дукатов в пользу строитель-

ства базилики в Риме и приостановить всякую издательскую деятельность сроком на один год².

Пятый Латеранский собор, завершивший свою работу в марте 1517 г., по сути, отменил решения Констанцского собора³. Он стал победой над консилиаризмом, авторитетом соборного мнения и свободой книгопечатания. Но, несмотря на официальное поражение в политической сфере, идеи консилиаризма продолжали процветать в университетской среде, где они и зародились за полвека до Констанцского собора. Одним из главных идейных вдохновителей консилиаризма принято считать Уильяма Оккама⁴, чья философская и богословская полемика с последователями Фомы Аквинского и Дунса Скота положила начало традиции номинализма и альтернативной системе университетского образования — *via moderna* («современный путь»), в отличие от традиционной системы *via antiqua* («древний путь»). Вследствие этого в Европе появилось два вида университетов — «старого» и «нового» типа, и между ними началась острая академическая конкуренция.

Вернемся к Мартину Лютеру. Здесь сразу же необходимо отметить, что Лютер обучался в Эрфуртском университете, принадлежавшем к традиции *via moderna*, и именно там он впитал идеи номинализма и консилиаризма. После Эрфурта в 1508 г. Лютер по настоянию своего духовника отправляется для получения докторской степени в недавно открывшийся университет в Виттенберге (что обернулось многолетней обидой со стороны его бывших Эрфуртских коллег). Виттенбергский университет, основанный в 1502 г., изначально создавался как университет «старого» образца, *via antiqua*, и Виттенбергская система образования вызвала массу негодований у Эрфуртского выпускника. Поэтому после того, как Лютер получил докторскую степень в 1512 г. и стал полноправным членом факультета, он взялся за постепенное перекраивание Виттенбергской университетской программы на привычный для него лад. Той реформой, над которой Лютер работал в 1517 г., была не реформа церкви или общества, но реформа учебной программы теологического факультета. В мае 1517 г. он пишет письмо в Эрфурт своему верному другу Иоганну Ланге, и в нем радостно рапортует: «Наша теология, то есть теология св. Августина, по милости Божией быстро распространяется в нашем университете. Аристотель постепенно падает со своего трона и его кончина — лишь вопрос времени. Все отказываются слушать лекции по учебникам *Сентенций*» [6, p. 15].

В рамках академического противостояния 4 сентября 1517 г. Лютер подготовил 97 тезисов против философии Аристотеля «*Disputatio contra scholasticam theologiam*» для диспута в Виттенбергском университете, а 31 октября он написал свои легендарные 95 тезисов. И здесь мы вновь возвращаемся к нашему главному вопросу о том,

² По-видимому, этот декрет не был приведен в исполнение повсеместно. Но на той территории, куда распространялась власть архиепископа Майнцского (а Виттенберг, безусловно, попадал в его сферу влияния), за исполнением этого декрета следили с особым пристрастием [4, p. 96].

³ Декрет *Frequens* (1417) о частом проведении соборов не был аннулирован *de jure*, но он оказался отмененным *de facto*. После окончания Пятого Латеранского собора следующий собор, Тридентский, был созван только через 28 лет с целью борьбы с Реформацией, а следующий за ним Первый Ватиканский собор состоялся лишь через 300 лет после Тридента. Основным результатом Первого Ватиканского собора является принятие постановления *Pastor Aeternus* о непогрешимости и первенстве юрисдикции папы. Декреты *Pastor Aeternus* (1516) Пятого Латеранского собора и *Pastor Aeternus* (1870) Первого Ватиканского собора аннулируют постановление Наес Sancta (1415) Констанцского собора не только *de facto*, но и *de jure*.

⁴ О влиянии Оккама на формирование теории консилиаризма см., напр.: [5].

какую цель преследовал Лютер при составлении этих тезисов. По-видимому, в 1517 г. Лютер был всецело поглощен академической полемикой, и его мало интересовало то, какой эффект его тезисы могут вызвать за пределами университетской среды. То, что 95 тезисов изначально не рассматривались как средство для проведения социальной, церковной или политической реформы, следует из его собственных заявлений о том, для чего он их писал и кого рассматривал в качестве целевой аудитории. Далее мы рассмотрим эти заявления в контексте краткой хронологии событий.

В конце октября 1517 г. Мартин Лютер подготовил 95 тезисов, в которых предложил обсудить теоретические и практические основания публичной продажи индульгенций. Такой способ применения индульгенций был инновационным изобретением доминиканского ордена, который являлся главным оплотом *via antiqua* и, следовательно, был основным идейным противником Лютера и других приверженцев *via moderna*. Несколько копий своих тезисов Лютер распространил среди университетских коллег, а одну копию 31 октября отправил на рассмотрение высокому церковному начальству — молодому архиепископу Майнца Альбрехту, известному своей ученостью и покровительством гуманизма, который, по дошедшей до Лютера информации, был причастен к продаже индульгенций. Но никто из профессоров пока не торопился выступить в качестве оппонента, а архиепископ Альбрехт вместо того, чтобы одобрить проведение дискуссии и выдвинуть обоснованные возражения против тезисов Лютера, предпочел расценить это как вызов церковному единоначалию, о чем он поспешил проинформировать папу и других влиятельных лиц.

Мог ли Альбрехт поступить иначе? Конечно мог. В отличие от большинства епископов, он был весьма просвещенным человеком в области искусства, риторики, философии и музыки [2, р. 60]. Как минимум, он мог просто не вмешиваться в академическую жизнь и позволить университетам самостоятельно разбираться в теоретических вопросах теологии. Однако такое решение могло нанести вред его административному и финансовому положению. Во-первых, как раз в том году закончился Пятый Латеранский собор, ознаменовавший победу над консилиаризмом, и любое попустительство в отношении профессора-номиналиста (а значит и консилиариста) в его споре с доминиканцами (противниками консилиаризма) шло бы вразрез с генеральной линией политики папского престола. И, во-вторых, как Альбрехт, так и папа получали прямой доход с торговли индульгенциями, поэтому любые дискуссии по этому поводу могли негативно отразиться на продажах. Даже если бы Альбрехт был готов рискнуть собственным кошельком ради свободы академической дискуссии, рисковать доходами вышестоящего начальства было слишком опасно.

В результате создание 95 тезисов обернулось для Лютера не академической дискуссией, а опороченной репутацией. В соответствии с решением архиепископа Альбрехта вместо университетского диспута⁵ начинается «война памфлетов», в которой противники Лютера активно публикуют и распространяют среди простого населения совсем не академические тексты, обвиняющие провинциального монаха в неуважении к церкви, папе и традиции. В ответ на это друзья Лютера без ведома и согласия автора на свой страх и риск публикуют и распространяют его 95 тезисов

⁵ Вместо полемического диспута члены доминиканского ордена провели собственную конференцию в университете Франкфурта в январе 1518 г., на которой все собравшиеся единогласно осудили Лютера, о чем не преминули сообщить в Рим [7, р. 464].

как в оригинальной латинской версии, так и в сделанном ими переводе на немецкий. Узнав об этом, Лютер 5 марта 1518 г. отправляет письмо своему товарищу Кристофу Шерлю, ответственному за перевод и издание 95 тезисов, в котором сокрушается о произошедших событиях: «Ты удивлен тем, что я не рассказал тебе о них [95 тезисах]. Но я не желал их широкого распространения. Я только намеревался представить их нескольким ученым мужам для изучения, и если бы их не одобрили, то я бы вовсе от них отказался... но теперь они разошлись по разным странам и переведены на другие языки, к чему я никак не причастен, так что я даже жалею, что произвел их на свет» [6, p. 23].

Основной претензией, которую оппоненты выдвигали против Лютера, был якобы брошенный им вызов верховенству и власти папского престола, поэтому Лютер счел необходимым опровергнуть это обвинение. В мае 1518 г. он посылает объяснительное письмо самому папе Льву X, в котором неоднократно заявляет, что он вовсе не настроен затевать какую-либо смуту, что в его тезисах не содержится никакого учения, и что он всего лишь пытается обратить внимание теологов на отсутствие ясности в доктрине об индульгенциях. Он выражает готовность к любой критике и называет свои тезисы не иначе как *propositiones, paradoxa* или *disputationes* [1, p. 390]. Также он отмечает, что текст тезисов был намеренно составлен особым замысловатым образом, поскольку предназначался лишь для узкого круга профессионалов: «Они [95 тезисов] были выпущены только среди своих и ради своих. Но затем, уже после их выпуска, произошло невероятное — о них вдруг узнали все подряд. Они всего лишь были тезисами для обсуждения, не доктриной и не догмой, и, согласно обычаю, были написаны туманно и загадочно» [1, p. 386].

При этом Лютер делает одно существенное замечание о том, что его поступок продиктован его правом и обязанностью как профессора теологии инициировать университетские диспуты по спорным вопросам: «...я счел, что лучше не быть суровым, а противостоять им через выражение сомнения в их учении ради подготовки к диспуту. Посему я бросил перчатку ученым мужам посредством моих тезисов и обратился к ним с просьбой ответить на них либо устно, либо в письме... Я доктор теологии, а они не хотят признавать, что мне дано право, согласно обычаю всех университетов христианского мира, открыто обсуждать не только индульгенции, но и множество других возвышенных доктрин» [6, p. 29–30].

Здесь Лютер допустил ту же самую стратегическую ошибку, что и его предшественники — консилиаристы Констанцкого собора. Он понадеялся на то, что папа признает право университетского сообщества обсуждать церковную доктрину. Но Лев X отреагировал на это заявление точно так же, как и предыдущие папы: он расценил призыв к дискуссии как прямое посягательство на авторитет святого престола и поддержал травлю Лютера.

Решение папы препятствовать дискуссии и осудить Лютера стало причиной той череды событий, которые привели к глобальной Реформации всей Европы. На защиту несправедливо притесняемого профессора встали сначала его коллеги из множества университетов, а затем и некоторые князья. Из рядового провинциального профессора Лютер постепенно превращается в идейного лидера протестного движения. В 1520 г. он пишет свои первые «бунтарские» произведения: «О вавилонском пленении церкви», обращение «К христианскому дворянству немецкой нации» и трактат «Свобода христианина». В свою очередь папа в том же 1520 г. из-

дает буллу *Exsurge Domine*, в которой осуждает и повелевает сжечь не только 95 тезисов, но все остальные произведения Мартина Лютера, а также объявляет Лютера и всех его последователей отлученными от церкви (и, следовательно, вне закона), если они официально не отрекутся от своего учения. В ответ на это Лютер, пользуясь защитой и покровительством влиятельных немецких князей и при поддержке множества коллег, публично сжигает эту папскую буллу 10 декабря 1520 г. Именно этот поступок Лютера, в отличие от всех предшествовавших ему событий, уже по праву можно считать началом политической и социальной Реформации.

Так что же, в таком случае, особенного произошло 31 октября 1517 г. и почему в качестве дня Реформации отмечают именно эту дату, а не, к примеру, день сожжения папской буллы? Ведь 31 октября не было создано никакой политической партии и не возникло никакого нового социального движения, и Лютер вовсе не собирался начинать восстание или затевать смуту. В тот день не появилось на свет никакого программного манифеста или публичного воззвания, а текст 95 тезисов был составлен исключительно для ограниченного круга университетских профессоров. В тот день даже не было сформулировано никакой новой концепции, так как в 95 тезисах нет никакого содержательного учения, но есть лишь вопросы для обсуждения. В тот день просто продолжалась обычная академическая жизнь. Несмотря на растущее давление сверху, университетские преподаватели продолжали обсуждать свои теоретические проблемы, расценивая проведение дискуссий как их неотъемлемое профессиональное право и обязанность.

Какое значение для общества имеют эти внутренние академические дискуссии? Чаще всего те проблемы, которыми занимаются ученые, не оказывают заметного влияния на общественную жизнь, что нередко вызывает в обществе вопросы о целесообразности существования научных институтов. Но иногда какой-нибудь рядовой научный результат, даже не представляющий особого теоретического интереса, внезапно оказывается чрезвычайно востребованным за пределами сферы науки. Именно это произошло в Виттенберге 31 октября 1517 г. — очередные тезисы для традиционного диспута с давними академическими оппонентами, не имевшие никакой выдающейся теоретической ценности, неожиданно произвели фурор в обществе и спровоцировали ту череду событий, которые в итоге изменили мир.

2017 г. стал не только юбилейным годом начала Реформации. Также в этом году исполнилось 600 лет со дня принятия декрета *Frequens* на Констанцском соборе, согласно которому непрерывная реформа «главы и членов» возможна только в условиях регулярной свободной дискуссии. В этом же году исполнилось 500 лет со времени завершения Пятого Латеранского собора, который положил конец дискуссиям и запретил свободное книгопечатание. И, наконец, эта дата — 500-летний юбилей одного конкретного случая, когда академическое сообщество в очередной раз, несмотря на запреты и угрозы, сохранило верность своим основополагающим принципам.

Литература/References

1. Leppin, V. and Wengert, T. J. (2015), Sources for and against the Posting of the Ninety-Five Theses, *Lutheran Quarterly*, vol. 29, pp. 373–398.
2. Hendrix, S. H. (2015), *Martin Luther: Visionary Reformer*, Yale University Press, New Haven, CT, xiv+342 p.

3. Bettenson, H. (ed.) (1967), *Documents of the Christian Church*, 2nd ed., Oxford University Press, London, xviii+343 p.
4. Minnich, N. H. (2010), The Fifth Lateran Council and Preventive Censorship of Printed Books, *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Classe di Lettere e Filosofia*, ser. 5, vol. 2, no. 1, Censura, riscrittura, restauro, pp. 67–104.
5. Tierney, B. (1954), Ockham, the Conciliar Theory, and the Canonists, *Journal of the History of Ideas*, vol. 15, no. 1, pp. 40–70.
6. Currie, M. A. (trans. and ed.) (1908), *The Letters of Martin Luther*, Macmillan and Co., London, 482 p.
7. McNally, R. E. (1967), The Ninety-Five Theses of Martin Luther: 1517–1967, *Theological Studies*, vol. 28, is. 3, pp. 439–480.

Статья поступила в редакцию 5 апреля 2018 г.;
рекомендована в печать 13 июня 2019 г.

Контактная информация:

Бутаков Павел Анатольевич — канд. филос. наук, ст. науч. сотр.; pavelbutakov@academ.org

The Reformation as a call to discussion

P. A. Butakov

Institute of Philosophy and Law,
8, Nikolaeva ul., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

For citation: Butakov P. A. The Reformation as a call to discussion. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 3, pp. 519–527.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.311> (In Russian)

There are numerous interpretations of the event that is considered the beginning of the European Reformation of the 16th century, i. e., the publication of the Ninety-Five Theses by Martin Luther in 1517. According to the most popular interpretations, the publication of the Theses was an extraordinary historical event. I argue, however, that the writing of the Theses was an ordinary episode of daily academic life. This claim is justified by excerpts from private letters of Martin Luther from 1517–1518, contemporary historical scholarship of the Reformation era, and analysis of the specific features of European academic life and events from the history of the Church in the 15th–16th centuries. I consider the creation of the Ninety-Five Theses as a part of the more-than-a-century-old academic competition between universities belonging to the traditions of *via antiqua* and *via moderna*. In addition, I establish a relationship between, on the one hand, the struggle of the philosophical and theological traditions of *via moderna* and *via antiqua* and, on the other hand, the struggle of the ecclesiastical political movements for conciliarism and for the primacy of the pope. I also claim that the true cause of the beginning of the Reformation lies in the conflict between the ecclesiastical authorities, who tried to suppress theological discussions, and the academic community, which considered those discussions their undeniable right.

Keywords: Reformation, Martin Luther, Ninety-Five Theses, conciliarism, *via moderna*, Council of Constance, the Fifth Lateran Council.

Received: April 5, 2018
Accepted: June 13, 2019

Author's information:

Pavel A. Butakov — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow; pavelbutakov@academ.org